

УДК 94 (470.6)

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.9>

А.А. Панарин

КУСТАРНО-ПРОМЫСЛОВАЯ КООПЕРАЦИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (1921–1929 гг.)

В статье рассматривается деятельность кустарно-промышленной кооперации на Северном Кавказе в условиях новой экономической политики. Анализируется процесс формирования кустарно-промышленной кооперации в начале 1920-х гг., дается характеристика ее основным организационным принципам и представлениям руководства большевистской партии о месте производственной кооперации в структуре советской экономики. Освещается хозяйственная деятельность кустарно-промышленной кооперации в различных районах Северного Кавказа, отмечается повышение ее роли в снабжении промышленных предприятий, Красной армии и населения различными видами изделий. Рассматриваются принимаемые партийно-государственными органами и кооперативными союзами меры по вовлечению в кооперацию кустарей-одиночек. Отмечаются низкие результаты в решении этой задачи, обусловленные организационной слабостью и ограниченностью материальных средств кооперативных союзов, а также стремлением кустарей-одиночек к сохранению своей

самостоятельности. Подчеркивается классовый подход, которым руководствовалось советское государство при развитии кустарно-промышленной кооперации в конце 1920-х гг. Показано влияние утвердившейся на рубеже 1920-1930 гг. административно-командной системы на процесс трансформации кустарно-промышленной кооперации и ее окончательное превращение в подчиненный элемент планового хозяйства. Дана оценка основным результатам развития кустарно-промышленной кооперации на Северном Кавказе в условиях НЭПа.

Ключевые слова: кустарно-промышленная кооперация, новая экономическая политика, советское государство, артели, кустарное производство, Северный Кавказ.

Для цитирования: Панарин А. А. Кустарно-промышленная кооперация Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921 – 1929 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С. 77–83. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.9

Andrei A. Panarin

HANDICRAFT COOPERATION OF THE NORTH CAUCASUS IN THE CONTEXT OF A NEW ECONOMIC POLICY (1921–1929)

The article discusses the activities of the handicraft commercial cooperation in the North Caucasus in the conditions of a new economic policy. The process of the formation of hand-fishing cooperation in the early 1920s is analyzed. It is characteristic of its main organizational principles and the ideas of the leadership of the Bolshevik party about the place of production cooperation in the structure of the Soviet economy. The economic activity of hand-commercial cooperation in various parts of the North Caucasus is covered, its role is noted in supplying industrial enterprises, the Red Army and the population with various types of products. The measures taken by party-government agencies and cooperative unions involvement in the cooperation of single shutters. Low results are noted in solving this problem due to the organizational weakness and limited material means of cooperative unions, as well as the desire of single handy to preserve their independence.

Формирование кустарно-промышленной кооперации на территории Северного Кавказа фактически происходило в период осуществления новой экономической политики, т. е. в 1920-е гг. В дореволюционной России этот вид кооперации занимал незначительное место в общей кооперативной системе страны. Несмотря на широкое развитие кустарного производства и промыслов, большинство ремесленников и кустарей осуществ-

The class approach was emphasized who was guided by the Soviet state in the development of hand-commercial cooperation in the late 1920s. The influence of the 1920-1930s administrative-command system on the process of transformation of the hand-commercial cooperation and its final transformation into the slave element of the planning economy is shown. An assessment is given to the main results of the development of handicraft cooperation in the North Caucasus in the conditions of NEP.

Key words: handicraft cooperation, new economic policy, Soviet state, artel, handicraft production, North Caucasus.

For citation: Panarin A.A. Handicraft cooperation of the North Caucasus in the context of a new economic policy (1921-1929) // Humanities and law research. 2021. No.4. P. 77–83. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.9

ляли индивидуальную деятельность и не стремились к созданию кооперативных объединений. К январю 1918 г. на всей территории страны действовало около 1 тыс. кустарных артелей, тогда как общее число других видов кооперативов было около 55 тыс. [16, с.7].

На Северном Кавказе в дореволюционный период также были артели различного производственного назначения. В качестве примера можно

привести крестьянские артели, которые добывали соль в озерах Приманычья. Широкое распространение имели строительные артели, занимавшиеся выделкой самана и строительством жилья для многочисленных переселенцев, прибывающих на Северный Кавказ из других регионов страны [14, с.31-42].

Однако, данные виды объединений носили неустойчивый характер и включали лишь некоторые элементы кооперации. Северный Кавказ до революции был одним из регионов, где не только промысловая кооперация, но и в целом промысловая деятельность не играли какой-либо заметной роли в хозяйственной жизни. Например, на территории Области войска Донского по переписи 1897 г. работало 20206 кустарей, что составляло 1,27% от общего числа населения [8, с.324].

После установления Советской власти большевистская партия стремилась к объединению индивидуальных кустарей и ремесленников в артели, и обеспечению государственного контроля за деятельностью последних. В соответствии с Программой РКП(б), принятой в самый разгар Гражданской войны на VIII съезде РКП(б) (март 1919 г.), с помощью таких мер предусматривалось парализовать стремление кустарей превратиться в мелких промышленников [11, с.84].

Вместе с тем, до начала 1920-х гг. действующие на территории ряда областей Советской республики кустарные артели не представляли собой собственно промысловую кооперацию. В условиях осуществления политики «военного коммунизма» большевистская партия реализовывала идею полного огосударствления кооперации. Сохранив аппарат потребительской кооперации в качестве распределительного механизма Наркомата продовольствия, руководство РКП(б) включило в ее состав другие виды кооперации. В том числе, при Центросоюзе и областных союзах потребкооперации были созданы кустарно-промысловые секции, которые руководили деятельностью промысловых артелей.

Выполняя лишь формальные функции, они не могли оказать кустарям и ремесленникам реальной помощи. Так, действующая на территории Кубанской области кустпромсекция Кубсоюза руководила работой довольно большого количества артелей, например, в Краснодаре таких было 90, в Славянском районе – 146, Армавирском районе – 80. Однако, как признавало правление Кубсоюза, «что они из себя представляют секция не знает, т.к. инструкторский аппарат слабый, посещение артелей не ведется» [2, л.44].

После окончания Гражданской войны, в условиях хозяйственной разрухи и почти полного отсутствия крупной промышленности, кустарное производство стало играть важнейшую роль в восстановлении экономики и обеспечении населения товарами первой необходимости. По дан-

ным ЦСУ за 1922 г. из общей продукции страны в 1000 млн. руб., на долю мелкой кустарно-ремесленной приходилось 395 млн. руб., или 30% всей продукции [21, с.75].

Еще одной предпосылкой к широкому развитию различного рода промыслов стал разрыв хозяйственных связей между районами страны, что временно привело к нарушению сложившегося в стране в дореволюционный период территориального разделения труда. По этой причине, в таком аграрном регионе как Северный Кавказ все больше развивалось кустарное производство. В городах и крупных станицах открывались мастерские по изготовлению и ремонту одежды, обуви и других предметов первой необходимости. Так, в начале 1921 г. в Краснодаре работало более 20 артелей: сапожных, чувячных, корзинщиков и белоделов и других [7, с.462].

В кустарном производстве были, прежде всего, заняты прибывшие на территорию Северного Кавказа в условиях голода начала 1920-х гг. ку стари из других регионов страны, а также иногородние крестьяне, не занимавшиеся сельским хозяйством. Следовательно, развитие кустарных промыслов способствовало ослаблению проблемы аграрного перенаселения Юга России, путем вовлечения в кустарное производство избыточно го населения.

Значительного размаха кустарное производство достигло у горского населения Северного Кавказа. Наиболее распространенным его направлением было изготовление различных товаров из шерсти. Так, во многих селениях Балкарского округа в начале 1920-х гг. большая часть женщин занималась производством сукон и выделкой бурок [22, л.20].

Осознав роль и значение кустарного производства в решении проблем преодоления разрухи и развитии экономики, руководство большевистской партии приняло меры по вовлечению индивидуальных кустарей и ремесленников в организованное русло кооперации. Тем самым решались вопросы обеспечения контроля за деятельностью кустарей со стороны советского государства, а также осуществления их перевоспитания в духе коллективистских принципов организации труда. Вместе с тем, в условиях НЭПа кооперирование кустарей должно было происходить на добровольной основе, с использованием методов убеждения и демонстрации передового опыта кооперативной производственной деятельности.

Организационные начала промысловой кооперации были заложены в изданном 7 июля 1921 г. декрете ЦИК и СНК «О промысловой кооперации». Согласно декрету, трудящимся кустарных и иных промыслов в целях занятия однородным производством предоставлялось право образовывать промысловые кооперативные товарищества или артели для ведения совместного производства.

К середине 1922 г. была сформирована организационная структура промысловой кооперации, которая с несущественными изменениями функционировала вплоть до ее ликвидации в начале 1960-х гг. Первичной единицей промысловой кооперации являлась артель. Высшим органом управления артели было общее собрание или собрание уполномоченных и правления. Собрание выбирало правление артели и ревизионную комиссию, а также решало основные организационные вопросы деятельности артели, а правление занималось повседневным ее управлением. Средний уровень организационной структуры промысловой кооперации составляли промысловые союзы, объединявшие артели по территориальному или производственному принципу. Собрание уполномоченных промсоюза избирало правление и ревизионную комиссию.

Центральным органом управления системы промысловой кооперации стал, образованный 4 мая 1922 г., Всероссийский союз промысловой кооперации (Всекопромсоюз). Кроме него, действовали еще три вновь образованных союза промысловой кооперации: Всероссийский кооперативный лесной союз, Всероссийский промыслово-кооперативный союз охотников, Всероссийский кооперативно-промысловый союз рыбаков, организационная структура которых была идентична Всекопромсоюзу.

Вместе с тем, повышению авторитета кооперативных союзов в глазах кустарей и ремесленников мешала ограниченность материальных средств, которые они могли выделять для оказания помощи своим членам. Это обстоятельство не способствовало увеличению численности кустарно-промысловой кооперации. Так, в составе Ставропольского губкустпромсоюза действовало лишь 40 артелей, большинство членов которых не уплачивали паевые взносы, что сказывалось на финансовой слабости самого союза [1, л.139].

Более успешными были результаты работы по объединению кустарей на территории Кубанской и Черноморских губерний, где в начале 1922 г. насчитывалось до 700 производственных объединений кустарей (артелей) с общим количеством 13437 членов, занятых в организованном производстве. Из этого количества в состав производственного Кубанского союза промысловых кооперативов входило 450 артелей [21, с.75].

В целом, в начале 1920-х гг. на Северном Кавказе кустарно-промысловая кооперация объединяла около 15% кустарей и ремесленников. При этом наблюдалась большая текучка и неустойчивость состава кооперативных объединений. Часть кустарей входила в общества, которые создавались для оказания им юридической и технической помощи и не являлись кооперативными объединениями [12, с.64].

Несмотря на ограниченность людских ресурсов и материальных средств, кустарно-промысловая кооперация стремилась к развитию своей хозяйственной деятельности. Одним из ее направлений стала реализация государственных заказов по производству тех или иных изделий. В целях организации этой работы в сентябре 1921 г. при областных и губернских отделениях Главкустпромов были созданы договорные комиссии, которые заключали договоры с артелями [17, л.9].

Объемы этих заказов были порой весьма значительными. Например, отделению Главкустпрома при промбюро Юга России был направлен заказ от Высшего Совета Народного Хозяйства по изготовлению 27 тыс. валенок для Красной армии [17, л.13]. Еще одним примером может быть заказ инспектора военной промышленности Донской области одной из ростовских мастерских, состоящей в Донском кооперативном товариществе кустарей и ремесленников, на производство 500 пудов дратвы [17, л.12].

Кроме получения заказов, производственные объединения кустарей сами проявляли инициативу в этом направлении. Например, в начале 1922 г. со стороны Кубано-Черноморского союза производственных кооперативов поступило предложение к отделу кожевенных изделий Главкустпрома на оформление заказа по производству 4 тыс. комплектов упряжи, 20 тыс. пар сандалий и 5 тыс. пар дамских боксовых штиблет [18, л.1].

Помимо обеспечения потребностей населения в товарах широкого потребления, промысловая кооперация способствовала восстановлению и развитию крупной промышленности, выполняя различного рода заказы фабрик и заводов по изготовлению оборудования, полуфабрикатов и т.д. Особенно большое значение имело кустарное производство для сельского хозяйства. С одной стороны, артели промкооперации поставляли сельхозкооперации и индивидуальным крестьянам инвентарь, тару, упряжь и многие другие необходимые в хозяйстве изделия, с другой стороны, многие из них были заняты в переработке сельхозпродукции. По балансу ЦСУ за 1923/24 хозяйственный год на долю кустарной промышленности в стране приходилось более 70% всего перерабатываемого промышленностью сельскохозяйственного сырья [13, с.6]. Для Северного Кавказа, который являлся крупнейшей житницей России, это направление кустарного производства имело особенно важное значение.

Несмотря на определенные успехи, в первой половине 1920-х гг. развитие артелей кустарно-промысловой кооперации проходило неустойчиво с частыми распадами коллективов и возобновлением индивидуальной деятельности, вышедших из них кустарей и ремесленников. Этот процесс усиливался по мере утверждения принципов НЭПа, в том числе введению порядка

хозрасчетной деятельности, в соответствии с которым кооперативные объединения не могли рассчитывать на получение безвозмездной государственной помощи и должны были рассчитывать на свои силы. В результате к 1924 г. в составе кустарно-промысловой кооперации в основном были артели, отличавшиеся внутренней устойчивостью и стабильностью в работе.

С целью укрепления позиций кустарно-промысловой кооперации, в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 10 августа 1925 г., она были включена в общие планы сырьевого снабжения промышленности. Кроме того, органы и учреждения государственной торговли должны были помогать в реализации кустарных изделий путем заключения генеральных договоров с кооперацией. Принятые меры способствовали повышению авторитета кооперации и увеличению числа производственных объединений, а также состоящих в них членов. За год, с октября 1924 г. по октябрь 1925 г., на территории Северного Кавказа количество промысловых кооперативов выросло с 285 до 555, а количество членов с 5026 до 10050 человек [9, с.38-45].

В 1926 г. в стране в основном завершился процесс восстановления мелкой промышленности. По сравнению с 1913 г. общая численность занятых в городской мелкой промышленности составляла 91,8%, а в сельской промышленности – 91,9% [20, с.20]. В мелкой и кустарно-ремесленной промышленности СССР в это время было занято более 2,9 млн. человек. Ее удельный вес по всей промышленности составлял 55% по числу рабочих и 30,3% по валовой продукции [10, с.31]. На территории Северо-Кавказского края согласно переписи 1926 г. количество занятых в кустарном и ремесленном производстве по сравнению с 1913 г. возросло с 80 до 160 тыс. чел., т.е. вдвое, а стоимость валовой продукции увеличилась с 200 до 410 млн. руб. [4, л.3].

Вместе с тем, абсолютное большинство кустарей и ремесленников продолжало осуществлять в это время индивидуальную деятельность и не стремилось к вступлению в промысловую кооперацию. В том числе, понижение конъюнктуры рынка на кустарные изделия во второй половине 1925/26 хозяйственного года и обложение кустарных промыслов сельскохозяйственным налогом сказалось на замедлении темпа кооперирования кустарей. К октябрю 1926 г. в РСФСР действовали 4200 артелей, объединявшие 257710 членов [13, с.14].

К этому времени по сравнению с прошлым годом количество союзов кустарно-промысловой кооперации на территории Северо-Кавказского края увеличилось с 4 до 9, количество артелей выросло с 555 до 1110, т.е. ровно вдвое, а количество входящих в их состав членов с 10050 до 23104 человек или в 2,3 раза. Однако в общем

составе кустарно-ремесленной промышленности Северного Кавказа кооперированные кустари занимали лишь 5 % от общего числа работников [15, с.175].

Главной причиной такой ситуации являлось отсутствие у кооперативных союзов организационных и материальных возможностей по охвату разбросанных по различным населенным пунктам кустарей. Со стороны большинства кустарей также не проявлялось желания вступать в союзы, ввиду опасения потери хозяйственной самостоятельности и коммерческой выгоды.

В качестве примера можно привести попытки Терского кустарно-промыслового союза повысить эффективность воздействия на кустарей-одиночек. На своем учредительном съезде в октябре 1925 г. руководство союза поставило задачи укрепления единства кустарного движения, увеличения количества членов кооперации путем предоставления им различных льгот, а также возможностей использования принадлежащих союзу промышленных предприятий и торговых помещений [3, л.10-11].

Однако практическая реализация этих задач дала небольшой результат и Теркустпромсоюз по-прежнему уступал индивидуальному сектору кустарной промышленности в производстве продукции, которая составляла 15 % в общем объеме поступающих товаров [5, л.84]. Примерно такая же ситуация в деятельности союзов кустарно-промысловой кооперации складывалась и в других округах Северо-Кавказского края. Что касается автономных областей, то здесь подобные союзы отсутствовали и кустарное производство развивалось исключительно на индивидуальной основе.

В конце 1920-х гг. развитие кустарного производства все в большей степени начинает подчиняться задачам индустриализации и форсирования темпов социалистического строительства. Это влечет за собой окончательное включение кустарно-промысловой кооперации в структуру планового хозяйства. Анализируя процесс превращения советской кооперации из компонента рыночного хозяйства в одно из звеньев плановой экономики, Л.Е. Файн отмечает: «Плановое воздействие на кооперацию приобретает особенно жесткие формы ко времени разработки первого пятилетнего плана. Путь, согласно которому кооперация попыталась бы самостоятельно наметить главные вехи своего развития исходя из реальных возможностей и потребностей, был с самого начала отброшен самым категорическим образом. В основу составления пятилетнего плана развития кооперации были положены лимиты Государственной плановой комиссии и смежных с кооперацией госорганов – Наркомзема, Наркомторга и др.» [23, с.236].

Еще одной характерной чертой, происходящих в системе промысловой кооперации процессов являлось поголовное вовлечение в ее состав индивидуальных кустарей и ремесленников. В 1927 г. были изданы постановления, целью которых являлось стимулирование процесса объединения кустарей-одиночек. Так, в соответствии с положением о кооперативном кредите, утвержденном ЦИК СССР 18 января 1927 г., кредитные кооперативы, обслуживающие кустарей, включались в состав кустарно-промысловой кооперации и теперь могли предоставлять кредиты только кооперированным кустарям. Серьезным стимулом к вступлению в кустарно-промысловую кооперацию стало ее освобождение от промыслового и подоходного налогов, а также от гербового сбора и налога с обрабатываемых ценностей.

Согласно постановлениям СНК СССР от 3 и 31 мая 1927 г. кустарно-промысловая кооперация становилась организационным центром кустарной промышленности, что также повышало ее авторитет и полномочия. Этой же цели служило и новое положение о промысловой кооперации, утвержденное постановлением ЦИК СССР от 11 мая 1927 г., в котором более четко были выражены основные принципы ее деятельности [13, с.9-10].

В целом, внимание к развитию производственной кооперации начинает доминировать в теории и практике кооперативного строительства. Со стороны большевистской партии осуществлялись целенаправленные меры по поддержке и развитию различных видов производственных объединений, и в то же время ограничивались возможности индивидуальной деятельности. Это способствовало дальнейшему росту кооперированных кустарей. Например, в Ставрополе в 1927 г. действовали 17 артелей и одно кредитное товарищество, в которых работало 459 человек, что составляло 26 % общего состава кустарей. В этом году они изготовили и продали потребителям различных изделий на 557 тыс. руб. [19, с.154].

Происходящее в конце 1920-х гг. усиление административного давления в отношении кустарей-одиночек позволило увеличить количество членов промысловой кооперации. В 1928 г. промысловая кооперация СССР охватывала до 20 % всех занятых в кустарно-ремесленной промышленности [10, с.31]. В различных округах Северного Кавказа этот показатель составлял от 15 до 22 %.

Характерной чертой кооперативного строительства в это время становится классовый подход, предусматривающий вовлечение в кооперацию бедняцко-середняцких слоев, при одновременном недопущении в ее состав зажиточных элементов. 3 сентября 1928 г. ЦК ВКП(б) издал постановление «О мерах по усилению кооперирования кустарей и о массовой работе кулспромкооперации», которое нацеливало местные органы на ускорение процесса кооперирования кустарей из числа бедняцко-середняцких слоев населения.

В ноябре 1928 г. от председателя правления Всекопромсоюза было направлено письмо правлениям кустарно-промысловых союзов и низовых кооперативов, в котором отмечалась недостаточная работа по кооперированию бедноты. Было также отмечено, что отчетно-перевыборная кампания 1928–1929 гг. должна быть использована для привлечения новых членов из бедноты, вовлечения бедноты на руководящую работу в промкооперативы. Особое значение придавалось предвыборным собраниям бедноты под руководством местных парторганизаций и инструкторов кустарно-промысловых союзов [6, л.53].

В результате применения этих мер удельный вес бедноты в кустарно-промысловой кооперации стал повышаться. Например, по сообщению Терпромкредсоюза, к началу апреля 1929 г. из 4496 членов артелей бедняки составляли 1166 человек, или около 26%. С учетом этих показателей явно непропорциональным было представительство бедноты в выборных органах артелей, которое составляло 62 %. С целью дальнейшего расширения участия бедноты в кустарно-промысловой кооперации на основе директив Всекопромсоюза была установлена рассрочка по выплатам задолженностей сроком до двух лет [6, л.15–16].

Одновременно были приняты меры по включению кустарей-одиночек и незарегистрированных артелей в состав союзов. Так, в Терском округе к маю 1929 г. обобществленный сектор кустарно-промысловой кооперации вырос с 32 % до 67 %, т.е. более чем вдвое. При этом доля кооперированных кустарей и ремесленников увеличилась с 23,8 % до 26,8 % [5, л.1].

Однако в короткий срок поставленную задачу по поголовному вовлечению в кооперацию кустарей-одиночек из числа бедноты и середняков реализовать не удалось и часть из них некоторое время продолжали осуществлять свою индивидуальную деятельность. Лишь к 1937 г. абсолютное большинство из кустарей-одиночек было вовлечено в кустарно-промысловые артели или было подвергнуто репрессиям, потеряв возможность самостоятельного хозяйствования.

На рубеже 1920-х – 1930-х гг., в условиях утверждения административно-командной системы кооперация была полностью подчинена партийно-государственному аппарату. В связи с этим, были потеряны существовавшие в годы НЭПа элементы самостоятельности и самостоятельности коллективов артелей. Все они включались в плановую систему хозяйства и должны были выполнять установленные правительством и местными органами задания. Сохранение промысловой кооперации в качестве организационной структуры, объединяющей мелких производителей, было обусловлено стремлением советского государства обеспечить потребительский спрос

населения в товарах и услугах первой необходимости, при острой нехватке государственных средств и преимущественного их использования в целях индустриализации.

Вместе с тем, включив промысловую кооперацию в систему планового хозяйства, советское государство выделяло ей из централизованных фондов сырье, материалы, осуществляло финансирование, согласно утверждаемым сметам. Другим источником финансирования производственной деятельности промсоюзов и артелей оставались собственные фонды, формируемые за счет паевых взносов членов кооперации, отчислений от прибыли и других источников.

Упорядочились также взаимоотношения промысловой кооперации с сохранившимися видами кооперации. При этом с кооперацией инвалидов установились отношения сотрудничества при выполнении схожих задач производственного характера. В 1930-е гг. промысловая кооперация, наряду с рядом предприятий легкой промышленности и предприятиями местной промышленности, стала крупнейшим производителем товаров широкого потребления. Не случайно, в довоенный период и впоследствии широко использовался термин «кооперативная промышленность», под которым, прежде всего, подразумевалась деятельность промысловой кооперации, обеспечивающей около 80% всего кооперативного производства.

В такой обстановке система промысловой кооперации окончательно превращалась в подчиненный компонент административно-командной системы. Содержание и формы ее деятельности унифицировались в соответствии с принципами функционирования государственной промышленности. К их числу относились:

- во-первых, использование административных методов управления и централизованного планирования при организации деятельности промсоюзов и артелей;
- во-вторых, установление жестких требований к исполнительской и трудовой дисциплине руководителей и работников промысловой кооперации, соответствующих требованиям, действующих в государственной промышленности;

- в-третьих, широкое использование в кооперативном производстве различных форм организации социалистического соревнования с применением, действующих на промышленных предприятиях материальных и моральных стимулов повышения производительности труда.

Кроме того, в организации кооперативного производства использовались аналогичные промышленной организации принципы и требования в вопросах обеспечения охраны труда, повышения квалификации работников, социального страхования и многих других. Вместе с тем, особенностью промысловой кооперации, в отличие от государственной промышленности, являлось то, что в рамках административно-командной системы она сумела сохранить определенные элементы самостоятельности. Прежде всего это касалось первичного звена – артелей, коллективы которых обладали возможностями оперативной деятельности в вопросах изыскания сырья, использования трудовых ресурсов, привлечения собственных фондов в развитие производства и других. Определенную роль в сохранении относительно демократических отношений в коллективах артелей сыграли прежние традиции кооперативной жизни, а также сформировавшийся в годы НЭПа рыночный менталитет.

Таким образом, развитие кустарно-промысловой кооперации на Северном Кавказе в условиях НЭПа представляло собой сложный и противоречивый процесс. С одной стороны, деятельность кустарей и ремесленников в составе кооперации приобрела более организованный характер, были сформированы и реализовывались на практике принципы сотрудничества между советским государством и мелким производителем. Артельное производство стало играть важную роль в хозяйственной жизни Северного Кавказа. С другой стороны, по причинам организационной слабости и ограниченности материальных средств кооперативные союзы не могли оказывать существенной помощи своим членам, что препятствовало расширению состава кооперации. Утверждение административно-командной системы на рубеже 1920-1930 гг. окончательно превратило кустарно-промысловую кооперацию в подчиненный элемент планового хозяйства.

Источники и литература

1. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-157. Оп.1. Д.38.
2. ГАКК. Ф. Р-263. Оп.1. Д.406.
3. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАКК). Ф. Р-1149. Оп.1. Д. 53.
4. ГАКК. Ф. Р-1149. Оп.1. Д.131.
5. ГАКК. Ф. Р-1149. Оп.1. Д.238.
6. ГАКК. Ф. Р-1149. Оп.1. Д.338.
7. Екатеринодар – Краснодар. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях: Материалы к летописи. Краснодар: Книжное издательство, 1993. 798 с.
8. Карташова М.В. Кустарные промыслы Российской империи в последней трети XIX – начале XX в. (1872–1917 гг.): статистика, локализация, государственная поддержка. Нижний Новгород: Кварц, 2018. 416 с.
9. Кооперация в 1923/24 году и в 1924/25 году. М.: ЦСУ СССР, 1928. 230 с.
10. Кооперация СССР за 10 лет. М.: Издательство Коммунистической Академии, 1928. 330 с.
11. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988) / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. 9-е изд., доп и испр. В 16 т. Т. 2: 1917-1922. М.: Ин-т Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС, 1983. 606 с.
12. Кустарно-промысловая кооперация в системе народного хозяйства СССР: Сборник материалов к XIV съезду РКП(б). М.: Всероссийский союз промысловой кооперации, 1925. 179 с.

13. Кустарная промышленность накануне XV съезда. М.: Всероссийский союз промысловой кооперации, 1927. 56 с.
14. Невская Т.А., Чекуменев С.А. Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства, культуры и быта. Пятигорск: ТОО «Кинт», 1994. 166 с.
15. Панарин А.А. Эволюция кооперации на Дону и Северном Кавказе в 1921-1929 гг.: монография. 2-е изд., испр. и доп. Армавир: РИО АГПУ, 2017. 336 с.
16. Пехтерев Ф. Центросоюз: Двадцать лет работы // Кооперативная жизнь. 1918. №6-7. С.3-10.
17. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф.1691. Оп.2. Д.867.
18. РГАЭ. Ф.1691. Оп.2. Д.947.
19. Салфетников Д. А. Особенности промышленности Ставрополя и ее состояние в конце 1920-х гг. // Теория и практика общественного развития. 2015. №11. С.152-156.
20. Тарновский К. Н. Мелкая промышленность дореволюционной России. Историко-географические очерки. М.: Радикс, 1995. 277 с.
21. Трифонович Л. Кустарно-ремесленная промышленность края и кооперация // Северо-Кавказский край. 1925. №2. С.70-81.
22. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики. Ф.Р-43. Оп.1. Д.1.
23. Файн Л.Е. Отечественная кооперация: Исторический опыт. Иваново: Ивановский государственный университет, 1994. 275 с.

References

1. State archive of Krasnodar territory (GAKK). F. R-157. Inv. 1. D.38. (In Russian).
2. GAKK. F. R-263. Inv. 1. D.406. (In Russian).
3. State archive of Stavropol territory (GASK). F. R-1149. inv. 1. D. 53. (In Russian).
4. GASK. F. R-1149. Inv. 1. D.131. (In Russian).
5. GASK. F. R-1149. Inv. 1. D.238. (In Russian).
6. GASK. F. R-1149. Inv. 1. D.338. (In Russian).
7. Ekaterinodar – Krasnodar. Dva veka goroda v datakh. sobytiyakh. vospominaniyakh: Materialy k letopisi (Ekaterinodar – Krasnodar. Two centuries of the city in dates, events, memories: materials for chronicles). Krasnodar: Knizhnoye izdatelstvo. 1993. 798 p. (In Russian).
8. Kartashova M.V. Kustarnyye promysly Rossiyskoy imperii v posledney treti XIX – nachale XX v. (1872–1917 gg.): statistika. lokalizatsiya. gosudarstvennaya podderzhka (The handicrafts of the Russian Empire in the last third of the XIX - early XX century. (1872-1917): Statistics, Localization, State Support). Nizhniy Novgorod: Kvarts. 2018. 416 p. (In Russian).
9. Kooperatsiya v 1923/24 godu i v 1924/25 godu (Cooperation in 1923/24 and in 1924/25.). Moscow: TsSU SSSR. 1928. 230 p. (In Russian).
10. Kooperatsiya SSSR za 10 let (Cooperation of the USSR for 10 years). Moscow: Publishing house of communist Academy, 1928. 330 p. (In Russian).
11. Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh syezdov. konferentsiy i Plenumov TsK (1898-1988) (Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee) / ed by A. G. Egorov, K. M. Bogolyubov. In 16 Vols. Vol. 2: 1917 – 1922. Moscow: Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU, 1983. 606 p. (In Russian).
12. Kustarno-promyslovaya kooperatsiya v sisteme narodnogo khozyaystva SSSR: Sbornik materialov k XIV syezdu RKP(b) (Handling cooperation in the system of national economy of the USSR: Collection of materials for the XIV Congress of the RCP (b)). Moscow: All-Russian Union of Industrial Cooperation (In Russian). 1925. 179 p.
13. Kustarnaya promyshlennost' nakanune XV syezda (Handicraft industry on the eve of the XV Congress). Moscow: All-Russian Union of Industrial Cooperation, 1927. 56 p. (In Russian).
14. Nevskaya T.A., Chekmenev S.A. Stavropolskiye krestiane. Ocherki khozyaystva. kul'tury i byta (Stavropol peasants. Essays of farm, culture and life). Pyatigorsk: TОО «Kint». 1994. 166 p. (In Russian).
15. Panarin A.A. Evolyutsiya kooperatsii na Donu i Severnom Kavkaze v 1921-1929 gg. (The evolution of cooperation on the Don and the North Caucasus in 1921-1929). Armavir: RIO AGPU. 2017. 336 p. (In Russian).
16. Pekhterev F. Tsentrosoyuz: Dvadsat let raboty (Centrosoyuz: Twenty years of work) // Kooperativnaya zhizn. 1918. No. 6-7. P.3-10. (In Russian).
17. Russian state archive of economy (RGAE). F.1691. Inv. 2. D.867. (In Russian).
18. RGAE. F.1691. Inv. 2. D.947. (In Russian).
19. Salfetnikov D.A. Osobennosti promyshlennosti Stavropolia i ee sostoyaniye v onthe 1920-kh gg. (Features of the Stavropol industry and its condition in the late 1920s.) // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2015. No.11. P.152-156. (In Russian).
20. Tarnovskiy K.N. Melkaya promyshlennost' dorevolutsionnoy Rossii. Istoriko-geograficheskiye ocherki (Small industry pre-revolutionary Russia. Historical and geographical essays). Moscow: Radiks. 1995. 277 p. (In Russian).
21. Trifonovich L. Kustarno-remeslennaya promyshlennost' kraia i kooperatsiya (Handicraft industry in the krai and cooperation) // Severo-Kavkazskiy kray. 1925. No.2. P.70-81. (In Russian).
22. Central State Archives of the Kabardino-Balkarian Republic. F.R-43. Inv.1. D.1.
23. Fayn L.E. Otechestvennaya kooperatsiya: Istoricheskiy opyt (Domestic cooperation: historical experience). Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet. 1994. 275 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Панарин Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (Армавир, Россия) / panarin. arm@mail.ru

Information about the author

Panarin Andrey A. – Doctor of History, Professor, Chair of General and Russian History, Armavir State Pedagogical University (Armavir, Russia) / panarin.arm@mail.ru